

Александр Филиппов

*Вот кто-то
с горочки
спустился...*

Рассказы для детей

Александр Филиппов

Вот кто-то с горочки спустился...

«Издательские решения»

Филиппов А.

Вот кто-то с горочки спустился... / А. Филиппов —
«Издательские решения»,

Детство — счастливая пора. Даже если оно проходит рядом с исправительно-трудовой колонией, «лагерем». Рассказы, вошедшие в книгу, заняли первое место на Всероссийском конкурсе педагогического признания «Добрая лира» (Санкт-Петербург) в номинации «детская литература» в 2013 году.

Содержание

Мартын	6
Медовые капли	11
Конец ознакомительного фрагмента.	14

Вот кто-то с горочки спустился...
Рассказы для детей
Александр Филиппов

© Александр Филиппов, 2016

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Мартын

Отец мой держал голубей. Жили мы тогда на окраине города. Двор наш упирался в ряды колючей проволоки, а дальше высился дощатый забор исправительно-трудовой колонии, именуемой в округе еще по-старому – «лагерем». Стоявшая когда-то на отшибе, в степи, колония постепенно застраивалась вокруг одноэтажными особнячками, и народ здесь селился разный, все больше ухватистые, оборотистые шофера да рабочие близлежащего сверхсекретного по тем временам завода. Служил отец в звании майора. Тем более странным казалось и окружающим, и сослуживцам его увлечение, подхваченное не иначе как при общении со «спецконтингентом»... Двор у нас был большой, с несколькими хозяйственными пристройками. Голубятня располагалась в дощатом засыпном сарайчике, рядом с курятником. Грудастые, с распущенными веером хвостами, топтались там «павлиньи» голуби – приседая, подпрыгивая, раздувая зобы и воркуя раскатисто перед маленькими равнодушными голубками.

В ясную солнечную погоду отец гонял голубей. Высоко взлетев, превращалась стая в разноцветные точки на синем, с далекими перистыми облаками, небе. Славились отцовские голуби своими «заигрышами» – когда вначале один, а за ним и два, и три голубя начинали вдруг переворачиваться, кувыркаться через хвост, «играть» высоко над землей, и через минуту каскад ярких белых, красных комочков стремительно сыпался вниз, отчаянно крутясь в падении. Нередко одна из птиц, так и не перестав кувыркаться, с мягким стуком билась о землю, оставаясь лежать неподвижно, а из клюва ее выступала, темнела и наливалась толстая капля крови.

Особый азарт несет в себе охота за «чужим». «Чужой» – это отбившийся от стаи голубь. Завидя такого приبلудного чужака, голубятники, или «кошкари», как называли их в нашем поселке за лютую ненависть к кошачьему роду, мигом шугали своих птиц. «Чужой», присоединившись к стае и покружившись некоторое время, опускался вместе с ней во двор, и оставалось только не спеша, осторожно загнать его в голубятню. Чтобы приманенный голубь не улетел, а успел привыкнуть на новом месте, ему связывали толстой ниткой несколько основных перьев на крыльях или вовсе подрезали их. Потом перья отрастали, и голубь вновь мог летать. Если у «чужого» находился хозяин, то полагалось дать выкуп – деньгами, водкой, и только после этого разрешалось забрать голубя.

Иногда «чужой» уводил всю стаю. Случаи такие считаются редкими, почти невероятными. В нашем поселке отличался этим крупный черный голубь по кличке Мартын. Его знали и боялись все голубятники. Рассказывали, что принадлежал он к легендарной породе черных турманов, отличавшихся исключительной преданностью и благородством...

Хозяин Мартына – одноногий, обходящийся одним костылем старик – не признавал никаких выкупов. Пробовали соблазнять его мужики и деньгами, и водкой, а порою и били под горячую руку – шутка ли, потерять в одночасье стаю отборных летунов, – но инвалид, хотя и слыл выпивохой, всякий раз поступал одинаково: загонял пойманных птиц в сарай, затем брал по одной, закладывал голову трепыхавшегося голубка между средним и указательным пальцами и с силой встряхивал рукой сверху вниз. Головка оставалась в его большой, натруженной костылем ладони, а тушка птицы билась несколько секунд на земле.

Однажды кто-то забрался во двор к старику, сломал на голубятне замок и утащил всех птиц. Целый месяц дед ходил пьяный и орал возле пивнушки, размахивая кривым костылем:

– Я вас, б..., всех посажу! У-ух, ненавижу...

Жизни лишили!

Мужики посмеивались над ним, перемигивались и показывали толстые, с обломанными ногтями, кукиши:

– На вот, гадина колченогая, почмокай! Садилка твоя, небось, давно крючком загнулась!

Дед лез драться, бил мужиков костылем, прыгая на одной ноге, а мужики ставили ему подножку и хохотали мстительно за обезглавленных голубей своих, глядя, как возится пьяный инвалид в заплыванной пыли у пустых, кисло пахнущих пивом бочонков.

Через месяц кошкари приуныли. Мартын с неумело, грубо подрезанными крыльями, по крышам, то прыгая, то делая короткие, в несколько метров перелеты, обманув кошек и людей, вернулся к своему хозяину и вскоре вновь закружился черной точкой, одиноко мотаясь в небе над поселком. Мужики, не на шутку озлившись, палили в него из ружей, пацаны стреляли из рогаток, но все было напрасно. Дробь не доставала Мартына, а мальчишеские рогатки чаще попадали камнями в стекла окон, высаживая на излете целые звенья.

Пожилой участковый – толстый, задыхающийся от жары и дыма своих дешевых вонючих сигарет, с красным и злым лицом бегал от двора ко двору, штрафовал за пальбу и выбитые стекла, отбирал ружья, грозил судом и, наконец, нагрянул к одноному старику, строго предупредив:

– Ежели ты, дед, эту войну не прекратишь и своего дьявола не запрешь – я тебя привлеку!

– Ать, едреня-феня! – радостно скалил щербатый рот дед. – Аль у меня прав на частную собственность нету? Ан есть права! Теперича есть! Я, гражданин-товарищ, за энти-то права двадцать лет дровишки в Туруханском крае рубил. Начальников-то поболее тебя, пострашнее видел... А ты меня на арапа не возьмешь. Отсидел я без вины, по ошибке Но не обижаюсь, я ж понимаю...

– Ты, старый, к ошибкам-то не примазывайся. У меня насчет тебя тоже кой-какие сведения имеются! Не зря ты лес рубил, ой не зря... И кончай мне тут бакланить, агитацию разводить! Предупредил я тебя...

Старик не сдавался, брал на горло, драл на груди серую засаленную рубаху:

– А када оне в пивнушке надо мною, инвалидом обстоятельств, изгалялись, ты иде был? Фиги в рыло сували – ты видел?! Ты теперича меня охранять от бесчинств разных должен, поскаль у меня все положенные гражданину бумаги имеются... А голубьев я ихних не маню! Вон те Мартын, с него и спроси!

Участковый, харкнув желтой табачной слюной, ушел, громко звякнув щеколдой калитки и бормоча:

– Что не праздник – то амнистия. Навыпускали вас, сволочей... Вот зараза! Ведь пристрелят же заразу, а мне отвечай! Придурак лагерный...

Однажды я застал отца во дворе за странным занятием. Он сидел на корточках, привалившись спиной к теплой кирпичной стене, и, по привычке закусив губу, хмуро строгал рогульку из ветки клена.

– Ты чего, пап? – спросил я. – За воробьями собрался?

Отец сердито и как-то обиженно взглянул на меня и не ответил. По лицу его бежали капельки пота, и он торопливо смахивал их рукавом старой форменной рубахи.

– Увел, падла! – выругался отец. – Весь выводок весенний сманил. Голубки-то молодые, глупые, только-только на крыло стали. Ах, Мартын-Мартын, ах... собака! Я не видел даже, откуда он и налетел-то...

– Может, сходим к деду? – несмело предложил я. Было мне в ту пору лет десять и, зная крутой нрав отца, я здорово рисковал со своим советом...

– А-а... бесполезно, – криво усмехнулся отец. – Он уже им головы поотрывал и лапшу сварил, идиот! Мало били старого дурака...

Я стал помогать отцу делать рогатку.

– Ты вот что, – сказал отец, когда рогатка была готова, – дуй голыши собирать. Ищи вот такие, – и он дал мне крупный, величиной с грецкий орех, камень.

– Сколько надо? – поинтересовался я, зная, что такие камушки в нашей степной местности так просто не отыскать.

– Штук двадцать!

– Э-э... – заныл я. – И где ж я их наберу-то?

– А не наберешь – к голубям на пушечный выстрел не подходи! – отрезал отец, и я поплелся собирать камни.

На поиски ушло полдня. Я складывал голыши прямо под майку, и она раздулась, отвисла на животе, а когда я нагибался, то камни перекатывались там с дробным стуком.

Отец осмотрел мою добычу, ругаясь:

– Ну что ты притащил! Таким булыжником в кобелей бросать!

Я вздыхал, а отец один за другим швырял мои камни в сторону.

– Взяли бы ружья да ка-а-ак жажнули! Только перья бы полетели!

Отец молча собрал оставшиеся камни в коробку, туда же сунул рогатку и ушел.

Тем временем высоко в небе над поселком целыми днями кружил Мартын. Кошкари притихли, и редко отваживался кто-нибудь поднять своих голубей, хотя погода держалась хорошая – ни ветерка, ни облачка в небе. Пусто было в поселке. Калились под степным, душным зноем железные крыши особняков, куцые тени от деревьев темными пятнами падали на высокие, плотные, доска к доске, заборы, за которыми гремели цепями одуревшие от жары, но по-прежнему злобные и чуткие псы. Воздух горяч и недвижим, сонная, разморенная тишина стоит вокруг. Только изредка прогрехочет, подпрыгивая на ухабах, грузовик, поднимет густое облако пыли, и долго потом плывет оно в воздухе, невесомое, между сухой растрескавшейся землей и белесоватым, недостижимо высоким небом. Пробежит лохматая бродячая собака с шалыми, выпученными от жары глазами и с капающей из алой клыкастой пасти слюной, и редкие прохожие торопливо шарахаются в стороны: не бешеная ли?

Как-то утром, выйдя из дому, отец вдруг бегом вернулся в комнату, схватил коробку с рогаткой и выскочил во двор, а я, еще не оклемавшийся со сна, помчался за ним.

Во дворе, на крыше сарая примостился Мартын. Он обхаживал белую молоденькую голубку, у которой только недавно появились птенцы, и она впервые после долгого сидения в темной голубятне выбралась погреться на теплой в утренних лучах солнца крыше. Отец замер и осторожно, стараясь не вспугнуть птицу, заложил в кожицу рогатки камень.

Мартын все так же ворковал, притоптывая, только головка его с маленьким породистым клювом тревожно завертелась по сторонам. Он взмахнул крыльями, косясь на отца блестящими бусинками глаз, и торопливо забегал по крыше вокруг голубки.

И страшно мне было за Мартына, потому что знал я, через мгновение щелкнет рогатка, и Мартын подлетит, перевернется в воздухе и упадет на утрамбованную землю, распластав свои черные, как у ворона, крылья. А отец – он не промахнется. И раньше случалось мне видеть, как, взяв у мальчишек рогатку, в шутку попадал он, не целясь почти, в разные, довольно удаленные предметы, а здесь Мартын – вот он, в нескольких шагах...

– Папочка, не надо, папа... – шептал я, видя, что натянул уже отец рогатку и, прищурившись, метит в голубя.

– Эх ты, баба! – с презрением взглянул на меня отец. – И в кого ты такая баба!

Он с досадой выстрелил. Камень со свистом ударился в стенку сарая и брызнул мелкими осколками. Мартын взвился, но, сделав над крышей круг, вновь опустился рядом с голубкой.

– Хар-р-рош паразит! – процедил сквозь зубы отец и крикнул голубю: – Пошел, дурак, пошел!

Сунув два пальца в рот, он засвистел пронзительно, с переливами, как умеют свистеть только старые кошкари. Мартын, не обращая внимания на отца, топтался вокруг голубки, раздувал зоб и, покачиваясь взад и вперед, ворковал громко и сердито. Смело насадил он на голубку и, когда, та, семена мелко и стуча лапками по железной крыше, пробовала затеяться в стаю, Мартын грубо и требовательно преграждал ей путь, хватал за крыло и тащил в сторону, чтобы тут же начать крутиться, ворковать, приседать и подпрыгивать.

– Уведет, честное слово, уведет! – твердил я, и жалко мне было и Мартына, и голубей своих, и я любил и ненавидел этого дерзкого, нахального голубя.

– Ни хрена! – мотнул головой отец и, сунув руки в карманы синих галифе, прислонился к стене. – У нее ж пискуны! Куда она от них денется...

Отец присел на кучу бревен, похлопал себя по карманам:

– Сбегай за спичками, – попросил он, разминая в руках сигарету.

Когда я вернулся, он сидел все так же, глядя на воркующих голубей, и улыбался...

Мартын остался у нас. Вышел на другой день во двор вместе с остальными голубями и уже по-хозяйски, освоясь, толкался возле кормушки с зерном. Отец не стал связывать Мартына, а тем более, подрезать ему крылья.

– Этого черта ничем не удержишь. Захочет – останется, а не захочет – небо вон какое большое, просторнее земли... А на земле, как ни крутись, все равно голову сломишь... – сказал отец.

Через несколько дней Мартын опять взялся за старое и, промотавшись где-то весь день, вернулся к вечеру с пятью чужими голубями. Хозяин их скоро прибежал к отцу.

– Потолковать бы... – нерешительно начал он и, обернувшись ко мне, попросил: – Эй, малец! Сбегай-ка в огород, надергай нам лучку да пучок редиски...

Мартын снова и снова приводил голубей, и хозяйева птиц тянулись к отцу со всех концов поселка. Выкупов отец, конечно, не брал, положение, как говорится, обязывало. А приходил народ разный. Некоторые, увидев перед собой колонию майора, тушевались, пряча синие от татуировок руки и поблескивая смущенно «рандольными» фиксами зонной работы, но общая страсть брала верх, и общались они вполне мирно, по-доброму.

– Ну что ты со шпаной связался! – ругалась на отца мама. – Тебя ж за это выгонят из органов к чертовой матери! Или бандюги эти прирежут где...

Но отец только посмеивался и уходил в голубятню...

Однажды днем ко мне пришли знакомые мальчишки. Желая похвастать перед ними, я небрежно распахнул голубятню и выгнал птиц во двор. Отец был на службе, но гонять голубей без него мне не возбранялось. Надувшись от важности, брал я, красуясь под взглядами пацанов, голубя за голубем и подбрасывал высоко в небо. Мартын отчего-то не давался в руки, отказываясь летать. Я сел с друзьями на теплые, липкие от выступившей смолы бревна и, поплеывая сквозь зубы, врал о чем-то, пользуясь почтительным вниманием.

Вдруг рядом приглушенно кашлянули, и хриплый голос позвал негромко:

– Марты-ын... Мартынушка-а...

Я оглянулся и обмер. Посреди двора, опершись о костыль, стоял дед. Небритый, опухший, с красными, слезящимися глазами, он жмурился на солнце и, не обращая на меня внимания, звал:

– Марты-ын... Пс-пс-пс... Ну иди, иди ко мне, сволочуга... Иди сюды, тварь.

– Эй, вы... – растерянно пролепетал я. – Уходите! Все папке скажу!

Дед покосился на меня красным глазом и ласково произнес:

– А ты, шельмец, не рыпайся...

Мартын, признав старого хозяина, недоверчиво, бочком засеменил к нему. Липкий, постыдный страх пригвоздил меня к бревнам. Я сидел, с ужасом глядя на грязного старика, на Мартына, который виновато приближался к бывшему хозяину.

– Кыш! – заорал я, решившись.

Мартын, взлетев, опустился на плечо старика и закачался там, расправив крылья и удерживая равновесие.

– Молодец, Мартынушка... – оскалился дед и, взяв Мартына в руки, заговорил тихо, поглаживая голубя по маленькой, гибкой шее: – Признал, стал быть, хозяина-то свово... То-то

я гляжу – иде Мартынка? Нету Мартынки. А он вона иде, туточ-ки... Прохлаждаица! Позабыл, значитца, старичка... Ах, анафема, ах, подлец!

– Отдай голубя! – потребовал я, и голос мой дрожал, как перед большой дракой, в голове звенела пустота, сердце колотилось, а руки, сжимаясь в костистые кулаки, тряслись мелко и противно.

– Отдай голубя! – выдохнул я, наступая на старика, и в горле моем застревали сухие, шершавые комки, и оттого я не говорил, а сипел сдавленно и злобно.

– Ать, едреня-феня! Батюшки! – притворясь испуганным, отшатнулся дед. – Да кому он сдался, этот Мартынка... Ну на его тебе, бери, коли ты жадюга такой!

Дед схватил Мартына сильными пальцами за голову, рванул и протянул мне обезглавленное трепыхающееся тельце. Тонкая струйка крови стекала в пыль, сворачиваясь там черными комочками.

– Не хош? Ну, тада не говори, что я у тебя его отобрал... – усмехнулся дед и, широко размахнувшись, забросил мертвого голубя далеко в заросли травы у забора колонии. Под ногами, на забрызганной кровью пыли валялась черная головка Мартына, и на тусклые глаза его наполнила мутная, голубоватая пленка.

– И ничего вы мне с папаней твоим не сделаете, – прошептал дед. – Это вам не тридцать седьмой год, энкаведе сраное!

Круто повернувшись, старик зашагал, припадая на скрипящий костыль, а я стоял неподвижно и чувствовал, как по лицу моему бегут злые слезы,

– Гад! – завопил я и, схватив с земли кусок битого кирпича, швырнул в удалявшегося деда. Кирпич шлепнул старика между лопаток. Дед остановился, повел плечами и, обернувшись, покачал головой:

– Нехорошо... А еще пионер! – сказал он грустно и заковылял со двора.

Возле сараев я вырыл ямку, положил в нее Мартына и присыпал сухой бурой землей.

Потом отыскал две щепки, связал их бечевкой и зачем-то воткнул в холмик маленький крест.

Медовые капли

Мне кажется теперь, что тогда и зимы были холоднее, свирепее, и сугробы – выше, темнее, а синие вечера – длиннее, и переходили они в ночь, эти вечера, трудно, не сразу обрываясь вместе с погасшими людскими окнами, а тянулись медленно, уныло, но какая прелесть была в этих вечерах!

Весь день бледное, призрачное, похожее на раннюю зимнюю луну солнце висело где-то над горизонтом и скользило вровень с далеким лесом, не поднимаясь выше над нашим домиком и полем перед ним – серым полем с торчащими из-под снега мертвыми травинками, заледевшими кустиками и голыми, продуваемыми насквозь одинокими деревьями.

Во второй половине дня солнце, и без того едва видимое, уходило за такое же серое, как и поле, снеговое небо. Как бы нехотя, медленно ворочаясь, просыпался ветер и начинал задувать – вначале чуть слышно, почти неощутимо, а потом все усиливаясь и переходя в монотонный, наводящий тоску и сонливость свист. Поднималась поземка, и ветер слизывал сухой мелкий снег и нес его куда-то далеко в степь, засыпая попавшиеся на пути овраги, заборы и оставшиеся на местах бывших бахчей заброшенные остовы шалашей с пучками забившегося меж прутьев сена.

И когда наваливалась тьма, то не видно становилось ничего вокруг, только ветер свистел и метался в пустынном и безлюдном пространстве, перегоняя с места на место ломкие кустики перекасти-поля. И не похоже это было на ночь, потому что ночь зимой холодна и спокойна, а вечера – тревожны, и, когда ветер к утру стихал, казалось, что вот уже и наступит сейчас ночь в своем ледяном звездном величии – но поднималась темная, хмурая заря и начинался новый день...

В такие ночи особенно тоскливо выл Налет – на редкость злобный для собак его породы рослый кобель – гончак. Отцу было не до охоты, а кобель рвался на цепи, скучал по вольному снегу, по стремительной гонке за бурым русаком, когда после гулкового выстрела можно вцепиться в быстро остывающую тушку, а потом, хрипя от злости и усталости, хрупать крепкими челюстями длинную заячью ногу – награду за удачный гон.

Часто Налет пропадал. Он срывался с цепи и уходил, перемахнув через полтораметровый забор. Возвращался спустя два-три дня, голодный, изгрызенный псами. Сторонился отца, ко мне относился равнодушно и лишь при виде мамы, которая кормила его, оживал, нетерпеливо повизгивал и тянулся мордой к пахучему вареву. Ел жадно, торопливо и много...

Мне, мальчишке, отец подарил ружье – легкую, красивую одноствольную «тулку» шестнадцатого калибра.

– Не будешь чистить – отберу! – предупредил он, и как чистил, как драил я свое ружье! И стоило только взглянуть сквозь дуло на лампочку, как оно загоралось, сияло ослепительным блеском, и хотелось тут же зажмуриться от сконцентрированного зеркальными стенками ствола света.

С вечера снаряжали патроны. Я выбивал старые капсюля из латунных гильз, рубил заточенной с одного конца трубкой картонные пыжи и писал на них цифры – номера дроби. Отец засыпал в гильзу порох, затем укладывал картонный и войлочный пыж. Сверху сыпал тяжелые черные дробинки и прикрывал еще одним пыжом – с номером.

Ранним воскресным утром отец разбудил меня и, полусонному, свалил на колени одежду.

– Одевайся теплее, на дворе мороз. И чтоб не ныл у меня, а то больше не возьму! – сказал он и вышел.

В прихожей горел ночник, и отец тихо, стараясь не разбудить маму и младшего брата Петю, собирал ружья. Тусклый желтоватый свет лампы отражался на замерзших окнах, и чувствовалось сразу – как холодно и неудобно там, во дворе, и как тепло и сонно в комнате с ее

приглушенно бормочущим радио, мерным постукиванием больших настенных часов и тревожным скрипом пружин маминой кровати: если бы не отец, она никогда не отпустила бы меня на охоту.

Мы быстро собрались и вышли из дому. Налет, разглядев ружья, закрутился, повизгивая, на крепкой цепи. Должно быть, в такие минуты он забывал или прощал отцу все обиды.

Прямо у крыльца встали на широкие лыжи и пошли в степь. В степи было темно, холодно и пусто. Быстро скользил на лыжах отец, далеко вперед забегал Налет и потом стремительно возвращался, бросался из тьмы на лыжи, и я, спотыкаясь, падал, хватаясь руками за плотную корку снега.

– Пошел! Пошел! – сердито кричал я, а отец издали отзывался:

– Налет! Ищи! Тут-тут-тут!

Пес торопливо срывался с места и снова мчался, описывая вокруг нас широкие круги в поисках затаившегося косога. Сухой морозный воздух щипал за нос, сводил холодом губы. Я торопился, шлепал тяжелыми лыжами о наст, попевая за неясно виднеющейся впереди фигурой отца. Позади осталась золотистая россыпь огоньков окон поселка, а вокруг был только ночной мрак, скрип лыж и быстрое, частое дыхание собаки...

И как хорошо было потом, вечером, в тепле сидя за столом, смотреть на подобревшие глаза отца, на улыбчивую маму, вдыхать душистый парок над жареной зайчатинной – сочной и терпкой. Такой вкус у всего зверья, которое живет в поле и в лесу и, кажется, впитывает в себя все запахи трав, цветов, листвы и свежего, вольного воздуха.

Как хорошо было есть это душистое мясо, осторожно пережевывая и катая во рту сочные горячие кусочки, натываясь иногда зубом на смятую дробинку. Дробь, попавшую в убитой дичи, мы складывали в отдельную коробочку и верили, что если положить хоть одну такую счастливую дробинку в патрон, то не дрогнет рука, не ошибется глаз, и заряд попадет точно.

Вспоминая сейчас отца, я думаю – откуда у него, выросшего в пыльном степном городе, появилась непреодолимая тяга к природе? Все выходные дни, все отпуска свои проводил он в бесконечных охотах, рыбалках, а если не случалось ни того, ни другого, уходил в степь далеко от поселка и бродил там налегке, без ружья, возвращаясь затемно.

Лет с пяти отец, несмотря на протесты и увещевания мамы, таскал меня по рыбалкам и охотам. Возвращался я зареванный от подзатыльников, искусанный комарами, с болячками и насморками, но, если мама в другой раз становилась особенно решительной, не давая меня отцу, я плакал, и она, махнув рукой, говорила: «Сил моих больше нет! И что ж тебя, дурака, к забулдыгам этим тянет! Сожрут ведь комары, или потонешь где-то...»

На охоте мне доставалась самая неинтересная работа: собирать хворост, следить за костром, чистить картошку, ошпывать дичь, мыть посуду и оттирать речным песком черный, прокопченный котелок. Приходилось ходить загонщиком. В загонщики берут обычно каких-нибудь запьянцовских, крутящихся возле заезжих охотников мужичков из соседних сел да мальчишек. И тащились мы по колено, а то и до пояса в снегу, с головою ухая в заметенные сугробами овражки, драли охрипшие глотки, колотили палками по стволам деревьев, выгоняя зверей под выстрел.

Рыбачить отец не любил, да и не умел, по-моему. Когда летом приезжали мы на реку, он без интереса булькал удочкой о воду и через час-другой вовсе бросал рыбалку, уходил шататься по густым зарослям поймы. Под ушницу выпивал водки и снова пропадал, иногда забирая меня с собой – искать ягоды и грибы. Я прихватывал помятый солдатский котелок и долго бродил с отцом по берегу реки, где в тени, облепленные комарами, вызревали крупные, покрытые сизым налетом ягоды ежевики.

Отец мой, равнодушный к рыбалке, преображался, лишь только дело касалось охоты. Лучшим временем для охоты он считал раннюю осень, когда в знойном августовском воздухе повисает вдруг едва уловимый пока, тонкий запах увядания и на теплую землю по утрам опус-

кается холодноватый туман. Листочки потемневших, пожухлых от жара лесов начинают вдруг желтеть, но продолжают еще крепко сидеть на ветвях – будто не веря и страшась, что вот она и наступила уже, эта казавшаяся такою далекою осень. И золотятся в прозрачном воздухе леса и стога соломы на пустых полях под чистой синевой высоких небес...

Есть среди наших степей зеленые камышовые острова на месте старых обмелевших и заросших озер. Камыши тянутся на многие километры, и где-то в середине, невидимая, притаилась узкая полоска чистой воды. Место это можно угадать по тому, как взлетают и садятся утки ранним утром и поздним вечером в центре камышового озера. По ночам оттуда разносятся далеко в степь крики птиц, тьяканье корсаков и громкое визжание кабанят.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.